

ЭЛИНА
Бэйли

РАЗВОД

Цена его ошибки

Элина Бэйли

Развод. Цена его ошибки

«Автор»

2026

Бэйли Э.

Развод. Цена его ошибки / Э. Бэйли — «Автор», 2026

- Никакой женщины не было, - Лешка улыбается своей обаятельной улыбкой.
- Тебе все померещилось.- Не делай из меня дуру, я все видела своими глазами! - внутри все рушится, стараюсь взять себя в руки.- Закрой рот, ты моя жена. Я тебя содержу, покупаю тебе шмотки, оплачиваю учебу. Ты должна быть благодарна, значит, иногда стоит закрывать глаза на мои маленькие развлечения. А если тебя что-то не устраивает, катись к черту! Все, что у меня осталось - дочь, гордость и решимость начать все сначала. Муж думает, что я все прощу и забуду. Но он не знает, сколько боли может вместить одна женщина, и как из этого чувства рождается сила. От автора: ХЭ для героини обязателен, для остальных героев не факт)) НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ #

© Бэйли Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Элина Бэйли

Развод. Цена его ошибки

Глава 1

— Яна, ну что ты здесь сидишь? — её голос режет тишину комнаты. — Сын на корпоративе, а ты дома, как будто тебе нечего надеть. Ты разве не знаешь, что по женщине судят о мужчине. И что могу сказать о моём сыне?

Свекровь стоит в дверном проёме, руки сложены на груди, на лице презрение, как будто я только что совершила преступление. Я вздрагиваю, книга чуть не выпадает из рук. Аня спит в кровати рядом, и я стараюсь двигаться осторожно, чтобы её не разбудить. Поднимаю глаза на свекровь, чувствую, как внутри поднимается напряжение.

— Я не могу поехать с ним, с кем я оставляю дочь? Няню Лёша запретил, вы только приехали, а полугодовалый ребёнок не может быть дома один, — говорю шёпотом, поправляя одеяльце.

— Это всё отговорки. Я всё успевала: и сына растила, и на двух работах работала, и дом у меня был идеально чистый, и холодильник забит едой. И муж мне, в отличие от твоего, денег вот так не давал.

Как же я ненавижу вот эти «а в наше время».

— И чем ты таким важным занимаешься?

— Я читаю, — отвечаю я спокойно, хотя внутри уже киплю. — Это курс по психологии развития детей. Мне важно понимать, как расти вместе с Аней. Ну и экзамен у меня скоро, готовлюсь.

Она фыркает, делает шаг внутрь комнаты.

— Вот ей-богу, какая ты странная. У тебя есть все возможности, чтобы вложиться в себя: ну Аньку ты уже не кормишь, так грудь пора в порядок привести, губки побольше, мешки под глазами убрать. А ты всё гранит науки грызёшь, так никаких зубов не хватит. Зачем тебе это? У тебя муж есть, он обеспечивает. Тебе бы за ребёнком ухаживать да мужу радость домой приносить, а ты всё учишься, учишься... Думаешь, хоть день работать будешь? Я вот в этом сильно сомневаюсь.

Закрываю книгу, аккуратно кладу её на стол. Аня шевелится во сне, и я замираю на секунду, пока она снова не затихает.

— Лёша не против, чтобы я училась, — говорю я, стараясь сохранять спокойствие. — Мы справляемся сами.

— Ты справляешься? Сама? — она хмыкает. — Ты уже и не выглядишь как хозяйка. Квартира не блестит, сыну не радость приходить домой. Он всё чаще задерживается, может, потому что дома его ничего не ждёт?

Её слова больно бьют. Я встаю, ноги немного подгибаются — слишком много кофе, слишком мало сна. Стараюсь говорить мягко, но в голосе звучит сталь.

— Мы оба устали, он много работает, я ему за это благодарна. Но мы любим друг друга, всё у нас хорошо.

— Любовь — это когда ты поддерживаешь мужчину, а не позволяешь ему чувствовать себя одиноким, — говорит она, прищурившись. — Он сейчас там, на этом своём празднике, один. Ты могла бы быть рядом. Я уже полчаса тут стою, хотела бы быть рядом с Алексеем, уже бы собралась и летела к нему. А то тянешь кота за неизбежность.

Смотрю на дочку. Она лежит, крепко зажмурившись, маленький кулачок зажат в волосах. Поглаживаю её щёку, целую пальцы, потом возвращаюсь в гостиную.

— Я бы хотела поехать, — почти извиняюсь за своё поведение. — Но вдруг буду нужна Ане, понимаете?

— Понимаю, что ты дура, — произносит она просто, без лишних эмоций. — Думаешь, любовь — это книги и теория. А на самом деле ты даже не знаешь, где твой муж и с кем.

Я резко оборачиваюсь. Гнев подкатывает к горлу, оставляя горький привкус.

— Я знаю, где мой муж, — говорю я медленно, почти шёпотом. — Он работает.

— Яна, не трепи мне нервы, я сюда припёрлась не для того, чтобы тебя уговаривать. Если ты поедешь на корпоратив, я останусь с Аней, уж поверь, перепеленать и покормить я смогу. А если ты хочешь скоротать время одна, за своими дурацкими книжками, то я поеду домой и лягу спать. У тебя полминуты на размышление.

Может, свекровь права? Я погрязла в своём материнстве. Открываю шкаф, есть несколько классных платьев, которые ждут своего часа.

Она молча уходит в кухню, слышу, как щёлкает кнопка чайника. Смотрю на телефон, сообщений нет.

«Обещал вернуться рано», — думаю я, перебирая пальцами край футболки. Вспоминаю, как муж уходил: целовал меня в лоб, сказал: «Не жди, ложись спать».

— Mam, я поеду к Лёшке, — в душе рождается что-то восторженное.

Она кивает, но в её глазах мелькает что-то похожее на одобрение.

— Вот, наконец-то женщина в тебе проснулась.

Я не отвечаю. Только слегка улыбаюсь, пряча тревогу внутри. Немного нервничаю — впервые за месяцы выходить из дома так, чтобы не коляска, Аня и полный рюкзак детских принадлежностей.

Чёрное платье облегает фигуру, волосы распущены, чуть подкрашенные глаза блестят в отражении зеркала. Я смотрю на себя. Передо мной не уставшая мама в декрете, не студентка, а красотка!

Я беру сумочку, надеваю туфли и направляюсь к двери.

Сижу в такси, руки дрожат. Телефон лежит на коленях — пять пропущенных попыток звонка, ни одного ответа. Я набираю его снова, слушаю длинные гудки, потом голос автоответчика.

— Может, он просто занят? — предполагает таксист, бросая короткий взгляд в зеркало.

— Да, наверное, — отвечаю я, но не верю своим словам.

Смотрю в окно, за окном мелькают огни города, фары встречных машин режут глаза. Мы едем к ресторану, где проходит корпоратив. Я представляю, как подойду к входу, как Лёшка обрадуется, увидев меня. Как удивится, как обнимет, скажет: «Ты приехала, я так тебе рад!»

Машина останавливается на парковке перед входом в ресторан. Я расплачиваюсь, выхожу. Воздух свежий, вечер прохладный. Оглядываюсь, ищу его машину. Нужно быть уверенной, что он здесь, а если мы разминулись, то и нечего время терять.

Чёрный джип со знакомыми номерами стоит в дальнем ряду. Подхожу ближе, из машины голоса. Женский и Лёшкин, какая-то возня. Прислушиваюсь, может, у меня от недосыпа уже слуховые галлюцинации? Нет, точно есть голоса, женщина называет моего мужа по имени.

Моя рука тянется к ручке дверцы, пытаюсь открыть, не получается, закрыто, сигнализация активирована. Может, муж забыл выключить радио, а я себе такого напридумывала. Нет, это точно был голос Лёшки. А теперь тишина. На водительском и переднем пассажирском никого, задние стёкла затонированы — ничего не видно. Прикладываю две ладони к стеклу, изо всех сил всматриваюсь, ничего не видно. Если внутри кто-то есть, представляю, как глупо я выгляжу.

Я отхожу чуть назад, стараясь не шуметь, прячусь за соседнюю машину.

В этот момент дверь со стороны заднего пассажирского сиденья открывается, Алексей выходит, видит меня. Его лицо на долю секунды теряет выражение — будто он видит призрака. Потом улыбка: широкая, светящаяся.

Он резко закрывает дверь, ставит машину на сигнализацию. Подходит ко мне широким шагом, обнимает.

Глава 2

Пока идём к ресторану, постоянно оглядываюсь, всё, что кто же сейчас покажется. Лучше бы я дома сидела и учебник зубрила, чем теперь ломаю голову, что за ерунда происходит. Хотя, если она происходит, то лучше я буду о ней знать.

Заходим в ресторан, меня сразу охватывает атмосфера праздника — музыка, свет, запахи еды и веселье.

Я так давно не была среди людей. Я сначала готовилась к зачатию, на повышенном кортизоле мне врач сказала, чтобы был чёткий режим и много сна, потом тяжёлая беременность, гемоглобин низкий, голова кружится, врачи разводили руками — терпите. А теперь Анюта растёт, но ночи всё ещё без сна.

Алексей держит мою руку чуть выше локтя, как будто хочет показать, что он рядом, но прикосновение кажется формальным.

— Есть хочешь? Может, твоих любимых морепродуктов возьмём, тут их неплохо готовят, — Лёшка смотрит на меня, странно, что он забыл, что я не ем рыбу и морепродукты.

— Я бы десерт съела, — стараюсь перекричать музыку.

— Пойдём сюда, — говорит он, ведя меня к столу у дальней стены. — Тут наши коллеги, ты же помнишь Костю?

Кивнув, я не слышу собственного ответа. Моё внимание зацепилось за одно: рядом со стулом Лёшки, аккуратно приставленная к ножке стола, стоит женская сумочка. Маленькая, чёрная, из мягкой кожи. По лейблу понимаю, что дорогая, или если это реплика, то очень хорошо сделана.

Алексей, заметив мой взгляд, на долю секунды напрягается. Потом легко, почти небрежно, пододвигает стул ближе к столу, чтобы сумочка оказалась скрыта от обзора.

— Присаживайся, — говорит он, улыбаясь, как будто ничего не произошло. — Медовик хочешь?

Ничего я уже не хочу. От музыки и подозрений болит голова.

Я опускаюсь на место, чувствуя, как холод медленно расплзается по груди. Муж садится рядом, кладёт руку мне на спину, как будто он выполняет роль хорошего семьянина перед камерой.

К нам подходят его коллеги, друзья, кто-то здоровается, кто-то поздравляет с внезапным появлением. Я улыбаюсь, киваю, говорю «спасибо», хотя внутри всё сжато, будто я стою на грани чего-то тяжёлого и болезненного. Рассматриваю каждую девушку, всё гадаю, кто из них решил вторгнуться в нашу жизнь. Как вовремя меня свекровь выгнала погулять, чуйка или она что-то знает?

Лёшка заказывает шампанское.

— Ты как? — спрашивает он, наклоняясь ко мне через стол, когда разговор за компанию переключается на бизнес.

Я смотрю ему в глаза. Они такие знакомые, красивые, но сейчас в них что-то другое, что раньше я бы не заметила.

— Устала, — говорю я коротко, стараясь не выдать тревогу в голосе. — За Аню ещё переживаю.

Он улыбается, проводит пальцем по тыльной стороне моей ладони.

— Я рад, что ты приехала, — шепчет он. — Серьёзно, мы так редко бываем вдвоём. Ещё чуть посидим и на набережную поедem. Там есть места для уединения, — подмигивает.

Но я больше не верю словам. В голове винегрет из деталей: женская сумочка под столом, слишком бодрый, прямо наигранный тон Лёшки, его постоянные оглядывания, словно он ждёт кого-то.

Музыка в ресторане становится громче. Алексей говорит что-то смеющимся коллегам, его голос звучит слишком легко, слишком свободно.

Он расслаблен, улыбается, но я всё равно чувствую напряжение в каждом его жесте.

Оглядываюсь. Смотрю на другие столики, на барную стойку, на вход. Никого конкретного не ищу. Просто хочу понять, увидеть, поймать взгляд, движение, намёк. Ничего, может, я себе всё придумала? Может, мне правда надо чаще выходить в люди? Хочу домой, всё, что я увидела, мне надо переварить. Пока никому ничего не скажу, буду наблюдать и анализировать, не хочу быть истеричкой.

Телефон в кармане вибрирует. Звонок. Свекровь.

— Яна, ну вы где! Ты сейчас нужна дома, а всё шляешься непонятно где! — раздаётся её голос в трубке, едва я успеваю ответить. — Аня проснулась, хочет к маме, не берёт бутылочку, плачет, может, заболела? У меня от неё уже истерика! Я старая, я не могу это выдерживать ночью! У меня давление скачет! — свекровь старается перекричать Аню.

— Мама, она же иногда просыпается, — говорю я тихо, стараясь не привлекать внимания Лёшки. — Что случилось? Почему не дала смесь?

— Она не хочет! Капризничает! Я не могу, Яна, слышишь?! Я не няня тебе, своего сына вырастила, а теперь ваша очередь! Бери машину и приезжай!

— Мы уже собираемся домой, — отвечаю я, сама не веря, что произношу эти слова. — Через полчаса будем.

— Полчаса?! Да ты вообще дочь свою любишь?! — кричит она, и я слышу, как где-то вдалеке плачет Аня. Этот звук режет сердце.

Закрываю глаза. Вздыхаю. Голова начинает болеть.

Когда я кладу телефон обратно в карман, Алексей уже рядом.

— Что случилось? — спрашивает он, хотя в глазах — больше раздражения, чем тревоги.

— Аня проснулась и не засыпает, плачет. Мама не справляется. Нужно ехать.

Он качает головой.

— Серьёзно? Сегодня? — в голосе недоверие. — А как же вечер вдвоём со всеми вытекающими?

— Это наша дочь, Лёш, — холодно отвечаю я. — Мне нужно быть с ней.

Он вздыхает, потом встаёт, поправляет пиджак, на лице скорбь всего мира.

— Ладно, поехали. Только я не поеду за рулём. Выпил слишком много.

— Хорошо, — киваю я. — Возьмём такси. Машина пусть стоит здесь.

Он соглашается, мы выходим из ресторана. Вечер стал ещё прохладнее, немного ёжусь, надо было взять с собой жакет.

Луна зависла над парковкой, освещая машины, словно следящий глаз.

Проходим мимо, у нашего автомобиля какая-то тёмная фигура, как будто стоит, опираясь на капот.

Алексей делает шаг вперёд, и силуэт поворачивается. Это женщина, высокая, стройная, в тёмном платье.

Она улыбается ему, потом переводит взгляд на меня, и улыбка исчезает.

— Ой... прости, — говорит она, поправляя волосы. — Я думала, ты один.

Алексей напрягается, его рука автоматически ложится мне на пояс, как будто хочет показать: «Это моя жена». Но я чувствую, как он внутренне сжимается.

— Ничего, — говорю я, глядя прямо на неё. — Мы как раз уезжаем.

Подъезжает такси, но мне оно теперь неинтересно, я должна попасть в машину.

— Лёш, давай я за руль сяду, я же не пила. Завтра у тебя утром дела, как ты поедешь на работу, на такси по утренним пробкам?

— А ты, как всегда, права, — он снимает машину с сигналки.

Внутри пахнет кожей и алкоголем, принохиваюсь, стараюсь уловить аромат женских духов. Ставлю свою сумочку на заднее сиденье. В нижнем креплении ремня безопасности что-то торчит. Тяну аккуратно, это то, о чём я подумала? Какого чёрта!

— Лёш, это что?

Глава 3

Дверь открывается до того, как мы успеваем постучать.

Свекровь стоит на пороге в халате, растрёпанная, с красными щеками и прочими признаками бессонной ночи и поднявшегося давления. Её глаза сразу цепляются за Алексея, который немного шатается от усталости и алкоголя.

— Ну вот вы и приехали! — резко бросает она. — А я тут мучаюсь с ребёнком, а он... он пьяный?! Ян, всё-таки бестолковая ты баба!

Мне некогда её слушать, у меня и так в голове просто взрыв от всего, что происходит. За время нашей дороги Лёша не сказал ни слова, а на найденную улику никак не отреагировал, как будто я это всё сама подкинула. Я держала себя в руках, как могла, хоть и боль от предательства разрывала изнутри. Первые секунды было одно желание — педаль в пол и на полной скорости куда-нибудь в забор, только мысли о дочке быстро привели в порядок. Доверить свекрови жизнь моей крохи — не за что!

Аня лежит в кровати, кричит, лицо покраснело от плача. Она уже не...

Я подбегаю к кровати, беру дочь на руки. Она сразу замирает, утыкаясь носом в моё плечо. Ей нужно было просто маму. Запах любимой макушки быстро приводит меня в чувство.

— Прости, моя хорошая, — шепчу я, глядя её по спинке. — Я здесь, ты по маме соскучилась.

У самой всё дрожит внутри, после найденного «подарка» в машине не понимаю, как мне себя вести. Сдерживаю слёзы, не понимаю, надо сейчас при свекрови Лёшке на голову суп перевернуть, а потом сковородой по башке дать. Или улики на шее завязать, чтобы знал, как это больно бывает, когда тебя предают.

Свекровь тем временем не унимается.

— Яна, вот ни в чём на тебя нельзя положиться. Ты обещала присматривать за моим сыном, а он напился! Ты вообще понимаешь, что происходит? — говорит она мне, но обращается больше к сыну.

Лёшка стоит, слегка покачиваясь, с глуповатой улыбкой на лице. Будто всё происходящее — мелочь, которую можно переждать.

— Мам, ну ты всегда всё усложняешь, — говорит он, опираясь на стену. — Мы же дома. Уже всё хорошо. Я хоть когда-то должен отдохнуть?

— Хорошо?! — переспрашивает она, голос становится выше. — У вас дурдом, а не семья. Ты шлындаешь непонятно где, Янка глаза на всё закрывает, учёная, блин!

Она хочет услышать что-то вразумительное, но Лёшка только пожимает плечами.

Тогда я делаю шаг вперёд. Медленно, спокойно. Держа Аню на руках, достаю из своей сумочки маленькую, аккуратную чёрную вещь — женские трусики. Они были в машине.

Держу их за край оборочки, брезгливо.

— Хозяйке передай, — бросаю их Лёшке. — Наверное, не очень удобно девице по ресторану без трусиков ходить.

Свекровь резко замолкает. Смотрит на меня, потом на нижнее бельё, потом на сына. Её лицо меняется, одна бровь медленно ползёт вверх.

— Если вы о чём-то знали и хотели открыть мне глаза, мама, — делаю акцент на обращении, — то у вас всё получилось. Вот, улики в машине. Этот спектакль окончен, сына можете забирать с собой.

— А я тебе говорила, невестушка, прощелкала моего сына! Теперь расхлёбывай, учебники тебе были нужны? Яна, за мужиком следить надо, глаз с него не спускать!

Алексей смеётся, как-то нелепо и глупо, как будто это всё шутка.

— Ну что вы, девочки, — говорит он, делая жест рукой. — Завтра всё решим, это недо-
разумение.

Сердце бьётся слишком быстро. Или, может, просто тишина вокруг стала слишком гром-
кой.

Алексей стоит как ни в чём не бывало у стены, с расслабленной улыбкой, будто мы обсуж-
дали погоду или меню на завтрак. А я всё ещё держу на руках Аню, единственное, что осталось
по-настоящему моим.

Иду в спальню, медленно опускаю дочь обратно в кроватку, укрываю, целую в лобик.
Она уже почти спит. Но даже сейчас, после всего, мне хочется быть уверенной, что она в без-
опасности.

Потом поворачиваюсь к Лёшке. Спокойно. Холодно.

— Уходи из комнаты, — говорю я.

Он моргает.

— Что?

— Ты меня слышал. Уходи. В другую комнату. В гостиную. Куда угодно. Только не здесь.

Он хочет что-то сказать, но я поднимаю руку.

— Ни слова. Ни одного.

Он фыркает, качает головой, но всё-таки уходит. Дверь за ним закрывается.

Свекровь появляется через минуту. Без халата, уже собранная, но глаза напряжённые,
даже встревоженные. Она подходит к кроватке, заглядывает в лицо внучке, потом переводит
взгляд на меня.

— Я знаю, что тебе сейчас паршиво. Яна, но ты подумай про Анечку, ей нужна полная
семья. У женщин доля такая — терпеть, выходить на компромиссы, прощать. Он завтра про-
трезвеет, и будете жить как раньше, что волнуешься.

— Как раньше? Спать с ним в одной постели, — чувствую, как по телу бегут мурашки.
— Я себя не на помойке нашла.

— Ой, да брось, все так говорят, а потом живут как миленькие.

Держусь из последних сил, не могу зарыдать при свекрови. Пока никак не пойму, какой
вариант был бы лучше: если бы я ничего не знала и счастливо жила в неведении, или пусть
сейчас переболит, и я начну жить сначала.

— Так, я домой. У меня от вашей семьи мигрень началась. Сами разбирайтесь, я тебя
как женщина понимаю, но всегда буду на стороне сына.

Свекровь вызывает такси, вполголоса причитает, что дурная невестка ей досталась, ника-
кого спокойствия под старость лет.

Захожу в гостиную, Лёшка спит на диване, не раздеваясь. Храп стоит на всю квартиру.

Рука сама тянется к его телефону. Набираю пин-код, стыдно, что должна шпионить, под-
сматривать. Но сейчас другого выхода нет.

Открываю сообщения. Начинаю задыхаться, пред глазами тёмные круги. Не ожидала я
от супруга такого сюрприза.

Глава 4

Ночь тянется медленно, будто резина, которую пытаются разорвать, но не могут. Аня просыпается каждые полчаса: то ищет соску, то отворачивается, то начинает кряхтеть и плакать без причины. Я качаю её, шепчу ласковые слова, целую в лобик — всё напрасно, будто она чувствует моё состояние.

Смотрю на мою малышку и не понимаю, какой выбор я должна сейчас делать. Если я не смогу ей дать того, что может при своём статусе и финансовом положении дать Лёшка, а если она потом вырастет и меня не поймёт. Но у неё будет любящая, уважающая друг друга семья. Мысли роятся, а я не могу с ними справиться, выхватываю по одной, но в голове всё равно мешанина.

Когда она наконец глубоко у меня на руках, я осторожно кладу её обратно в кроватку и выхожу в коридор. Тишина давит. Квартира кажется чужой, как будто мы с Лёшкой больше не живём здесь вместе, просто оказались под одной крышей случайно.

Иду на кухню. Завариваю чай. На часах почти четыре утра, через пару часов подъём, я снова буду вся разбита.

Как жить дальше? И поговорить мне сейчас не с кем, свекровь свою позицию уже обозначила, может, на семинаре по семейной психологии оптом спросить, но это потом, а жить нужно сейчас.

Открываю телефон. Пальцы дрожат. Ввожу в поисковик:

«Что делать, если узнала об измене мужа?»

Результаты приходят моментально. Куча советов, видео, статей. Большинство повторяется: «Если муж обеспечивает — терпи, любовь всегда проходит, зато не будешь думать, чем детей накормить».

Смотрю на учебник по детской психологии, ну нет, не для того я так много учусь, получаю навыки, чтобы терпеть измены ради куска хлеба. «Если любит детей — он хороший отец, никакой новый мужик его не заменит».

Поджимаю губы, в висках стучит. Этот вариант мне тоже не нравится, думаю, я для себя знаю ответ, но боюсь признаться в том, что моя с виду счастливая жизнь закончилась. А всегда думала, что не смогу простить, а сейчас моё «белое пальто» хорошо так обдало грязью.

«Возьми себе мужчину на стороне. Живи в своё удовольствие. Получай деньги от обоих».

Я закрываю экран, меня тошнит. Где во всех этих советах хоть немного уважения к себе. Не хочу превращать свою жизнь в сериал, где каждый эпизод — месть или расплата. Я не хочу использовать людей и тем более — себя.

Подхожу к окну, город постепенно просыпается. Едут первые поливочные машины. Чай остыл, так и не успела его выпить.

Шаги, потом скрип двери. Иду посмотреть, что происходит.

Лёшка заглядывает в детскую.

— Ян, — «кричит» шёпотом.

— Что? — выглядываю в дверной проём. Интересно, что же такое интересное муж мне хочет рассказать.

Лёшка стоит у детской кроватки, смотрит на Аню, потом поднимает глаза на меня, и снова на дочь.

— Мне такое приснилось, что ты вещи сгребла, Аньку забрала и свалила. Проснулся, а тебя рядом нет, пошёл искать. Послушай, как сердце колотится. Я даже проснулся, меня всё колотит. Ужас.

Муж изрядно помят, лицо отёкшее. Сейчас у меня только одно желание — отвесить ему хорошую пощёчину и отправить жить к маме.

— Это не ото сна тебя колотит, это отходняк, пить надо меньше.

И по бабам шляться, но слова застревают у меня в горле. Не могу откашляться.

Он берёт дочь на руки, улыбается ей, как будто ничего не произошло. Как будто его женщина знает о чужих трусиках в машине, а он даже не помнит, кто была та женщина.

— Доброе утро, — говорит он просто. — Она такая хорошенькая сегодня, смотри, какие у нас пальчики маленькие, какой у нас носик кнопкой.

— Отдай мне Аню, иди на себя в зеркало посмотри.

— А что мне на себя смотреть. Ты мой глаз должна радовать, но ты, кажется, тоже сегодня не очень в форме. Может, в отпуск съездим, отдохнём. Мама с Анечкой побудет, а мы вдвоём?

— Ага, конечно, у меня запасных детей нет, — забираю дочку, Лёшка не очень сопротивляется, но по взгляду вижу, что удивлён и не очень понимает, что происходит.

Я молчу. Смотрю на него, на его растрёпанность после сна, на щетину, на мягкую улыбку, которая раньше грела мне сердце.

Он кладёт Аню обратно в кровать, потом идёт на кухню. Я следую за ним.

— Я был сильно пьян. Обещаю, что больше так пить не буду, башка как колокол, в который били набат, — говорит он, не глядя на меня. — Честно, не помню, как домой попал. Что там вообще было? Ой, подожди, не рассказывай. Сначала попить, сушняк как в пустыне Сахаре, а потом душ, самому от себя противно.

Его голос звучит почти искренне. Лёшка уходит в душ.

Может, он действительно был пьян? Может, это правда случайность? Один раз. Минутная слабость. Неловкое недоразумение, как он говорит? Откуда в моей голове появился этот адвокат, который готов оправдать этого предателя.

Но почему-то в голове щёлкает что-то болезненно знакомое, как будто я уже проходила этот момент, когда не было никаких доказательств, просто чувствовала — что-то не так. А теперь у меня есть всё.

Я смотрю на него. На моего мужа. На человека, с которым родила ребёнка. С которым строила дом, семью, мечты. Человека, которому доверяла до боли.

Может, простить? Может, попробовать ещё раз? Дать второй шанс. Или третий. Или десятый.

— Лёша, — говорю я тихо. — Мы должны поговорить.

Он поворачивается. Смотрит в глаза. Улыбается.

— Конечно, детка. Всё, что скажешь.

Глава 5

— Я вчера к тебе грязно приставал? — Лёшка ухмыляется, подходит ко мне. Отталкиваю его.

— Ты помнишь, где ты был вчера вечером? — спрашиваю я.

— Конечно, на корпоративе, который от и до оплачивает моя компания. А что тебя не устроило? Вино было простоватым или закуска холодна?

— Не знаю, — какое-то внутреннее ощущение, что он надо мной сейчас издевается.

— На вчерашнем корпоративе мне не понравилась загадка. Кто был с тобой в машине?

Он моргает. Улыбка гаснет.

— Я же сказал... я был пьян.

— Тогда ответь мне, — продолжаю я, делая шаг ближе, — почему в твоей машине были чужие трусики? Женские, что-то я не помню, чтобы ты сам такие носил. И хоть убей, не могу придумать ситуацию, когда кто-то снимает бельё у тебя в машине, если не будет горячего приключения.

Он замирает. Кофе в чашке не тронут, но Лёшка продолжает его помешивать.

Молчание тянется так долго, кажется, что даже Аня вдруг перестаёт сопеть в детской.

Алексей стоит, как будто я ударила его чем-то тяжёлым. Не по лицу, по совести. Он не отводит взгляд, но я вижу, как внутри него всё напряглось. Как он пытается найти выход или подбирает слова.

Но ничего не находит.

— Яна... — говорит он наконец, и голос звучит странно. — Я же сказал, что выпил лишнего, и сейчас мне кажется, что ты пользуешься моим положением. Если я не помню, что было, то можно мне всё на свете навесить?

Я не даю ему договорить.

— Ты бредишь или не до конца протрезвел?

Я моргаю. Не понимаю, что он сказал.

— Что?

— Да, ты меня слышала, — он делает паузу, потом вздыхает, как будто это я заставляю его терпеть эту глупость. — Ты сама себе что-то напридумывала. Видела бог знает что, это тебе показалось.

Я невольно делаю шаг назад.

— Ты серьёзно? — шепчу я. — Ты хочешь сказать, что чужие трусики в машине — это у меня в голове? Что женщина, которая вышла из твоего автомобиля и знала тебя в лицо — мне почудилась?

Он не отвечает сразу, только качает головой.

— Я. Был. Пьян, Яна. — он чётко чеканит слова. — И всё. Может, кто-то и подходил ко мне, может, кто-то пытался заговорить. Но это не значит, что между нами что-то было. Ты слишком много думаешь, смотрела бы меньше всякое, вот и мозги бы работали нормально.

Он говорит это спокойно. Даже с лёгкой издевкой. Как будто я истеричная жена, которую нужно просто успокоить и отослать в угол.

Внутри у меня всё ломается.

— Ты думаешь, я этого хотела? Твоя мама меня отправила к тебе, может, она знает то, чего не знаю я? — продолжаю я, делая ещё шаг вперёд. — Что мне легко быть дома и разбираться с ребёнком одной, пока ты веселился с кем-то ещё? Что я рада, что мои слова для тебя всего лишь фон?

— Я же сказал: ничего не было! — он повышает голос. — Просто ты уже давно живёшь в каком-то своём мире: учишься, книги читаешь, себя потеряла. Может, тебе бы отдых взять, погулять, меньше думать о всякой ерунде.

Его слова режут. Мне не больно, но очень мерзко. Будто он плюёт на мои чувства, на мою реальность.

— Ты вообще понимаешь, сколько я для тебя делаю? — Лёшка вдруг резко срывается на крик.

В детской начинает плакать Аня. Бегу к ней, Лёшка идёт за мной. Беру дочку на руки, пытаюсь утешить её, но его голос за спиной рвёт всё это хрупкое спокойствие.

— Что? — переспрашиваю, оборачиваясь.

Он стоит посреди кухни, уже не смущённый, а разозлённый. Щёки покраснели, взгляд тяжёлый.

— Я оплачиваю тебе учёбу! — говорит он, повышая голос. — Ты вообще работаешь? Нет. Ты сидишь дома, читаешь свои книжки, пишешь какие-то рефераты, и при этом ещё хочешь быть равной?

Его слова бьют больно. Особенно потому, что он знает, что они должны задеть.

— Я воспитываю дочь, — говорю я тихо, но в нём нет ни капли сомнения. — И пытаюсь стать лучше.

— Да ладно, — фыркает он. — Чтобы ты без меня была? Кто ты без меня, Яна? Женщина с ребёнком, без денег, без карьеры. Без будущего!

Мне становится холодно. Даже с Аней на руках, даже с её маленьким горячим дыханием на шее.

— Так вот оно что, — шепчу я. — Ты считаешь, что я должна быть благодарна? За то, что ты позволяешь мне жить в доме, который сам же и разрушаешь?

— Я пашу, как проклятый! — рывкает он. — Работаю с утра до ночи, чтобы вы ни в чём не нуждались! А ты тут со своими моральными уроками! Если у меня появляется слабость, ну, допустим, я захочу вечером пивка, или футбол посмотреть, или иногда провести время с друзьями — ты должна закрыть рот! Потому что я заслужил этот отдых!

Я смотрю на него. Смотрю так, как будто впервые вижу. И понимаю: он действительно так думает, что я ему должна?

— Ты... — я замолкаю на секунду, собираясь с мыслями. — Ты думаешь, что я должна терпеть, потому что ты платишь за мои маникюры? За мои курсы? За мою жизнь?

— Я оплачиваю всё! — шипит он. — И если я хочу иногда расслабиться, пусть даже с кем-то, кто меня не осуждает, то да, это моя слабость. Но ты не имеешь права делать из этого трагедию!

— Ты называешь это слабостью? — спрашиваю я, почти шёпотом. — А я бы назвала предательством.

Он вздыхает, как будто объясняет ребёнку очевидное.

— Это не предательство, если ты возвращаешься, а, как видишь, я всегда остаюсь с вами.

— А я больше не хочу быть тем местом, куда возвращаются, — говорю я.

Аня начинает беспокоиться, чувствует напряжение. Её маленькие ручки дёргаются, она всхлипывает.

Лёшка делает шаг ко мне, хочет что-то сказать, но я поднимаю руку.

— Не подходи, — говорю я. — Не говори ничего, просто уйди.

Глава 6

— Ты думаешь, я первый такой? — продолжает он. — Посмотри вокруг. У всех так. Просто умная женщина делает правильные выводы и живёт дальше. Не цепляется за какие-то принципы, а просто кайфует от жизни. Вот, давай ты тоже пересмотришь свои позиции, и будем жить счастливо. У тебя же есть какое-то классное желание, колечко или сумочка? Так, давай я как моральную компенсацию всё возьму.

Теперь я чувствую не только боль, но и сильнейшее отвращение к тому, как легко он превратил наш брак в шутку. Как презрительно отнёсся к моим чувствам, к нашей дочери, к нашему домашнему уюту, который я берегла, даже когда была готова рухнуть от усталости.

— Такую речь я уже слышала, — говорю я наконец. — Твою маму вчера ночью слушала. Она тебе точно эту же песню напела. Про то, что ты такой, какой есть, что мужчина имеет право, что я должна терпеть.

Лёшка замирает. Смотрит на меня.

— Ты сравниваешь меня с ней?

— А разве не так? — спрашиваю я тихо. — Вы оба считаете, что я должна...

Он фыркает:

— Ну конечно. Своя жизнь. В декрете. На мои деньги. Ты вообще...

— Представляю, — говорю я. — И я справлюсь, даже если это будет медленно и очень больно. Потому что я знаю одну вещь лучше, чем ты.

— Что? — спрашивает он с вызовом.

— Что настоящая боль — это не когда ты остаёшься одна. А когда ты живёшь рядом с человеком, которому больше не можешь доверять.

Он открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент Аня снова начинает плакать. Громко. Резко. Её маленькое сердце чувствует напряжение, страх, разлад.

Я беру её на руки. Прижимаю к себе. Шепчу ласковые слова, глажу по головке. Она сразу успокаивается.

Он не уходит.

— Ты манипулируешь, используешь дочку как щит.

Стоит посреди кухни, как будто имеет право быть здесь. Как будто это я врываюсь в его дом, а не наоборот.

Иду в нашу спальню, достаю самый маленький чемодан. Держа в одной руке дочь, начинаю складывать одежду.

— Ты серьёзно? — говорит он, почти смеётся. — Угрожаешь уйти из-за одной ночи, одного глупого момента?

— Это был не один момент, — говорю я, голос дрожит, но я выдавливаю каждое слово сквозь зубы. — Это было начало, и ты знаешь об этом.

— Нет у меня никакого начала! — резко отвечает он. — Это ты придумала себе историю, чтобы уйти красиво! А на самом деле ты просто не можешь принять, что мужчина иногда хочет быть свободным!

Я сжимаю кулаки. Стараюсь дышать медленно. Глубоко. Потому что если я сейчас закричу, то не остановлюсь. Может, ты просто думаешь, что я всю страсть на стороне оставил. Котик, так это не так. И сейчас я тебе это докажу.

Он подходит ближе, хватая за запястье.

— Отойди от меня, — прошу я, прижимая её к себе. — Просто... отойди.

Но Лёшка не отходит. Берёт меня за плечо. Хочет заглянуть в глаза. Обнять. Как будто мы всё ещё те люди, которые могут друг друга обнимать. Всем телом наваливается на одну мою сторону. Не могу его оттолкнуть, ещё сильнее боюсь выронить дочь.

— Лёш! Перестань! Я этого никогда не прощу!

— Яна, ну хватит уже, — говорит он, почти ласково. — Мы же вместе. Мы семья. Неужели ты всё испортишь из-за какой-то ерунды?

Его прикосновение вызывает во мне отвращение. Я резко отстраняюсь.

— Не прикасайся ко мне, — шепчу. — Не смей. Больше никогда. Ещё не придумали способа, чтобы мужика после измены отмыть.

Он моргает. Его лицо на секунду теряет уверенность. Но потом он снова усмехается.

— Да ладно тебе, — говорит он, делая шаг к столу. Берёт в руки чужие трусики. Подбрасывает их, как будто играет. — Вот, смотри. Всё, что тебя так задело. — Он бросает их прямо в мусорное ведро. — Изволь. Больше нет проблемы.

Мне хочется ударить его. Просто взять и ударить. Не потому, что он их взял. А потому, что он считает, что можно стереть предательство одним жестом. Будто боль, которую он причинил, можно выбросить вместе с нижним бельём другой женщины.

Внутри всё кипит.

— Я тебе клянусь. Это было всего один раз. Я был очень пьян и ничего не помню!

— Ты врёшь!

«Ты даже не знаешь, что я знаю», — хочу сказать я.

Хочу крикнуть, что я всё уже знаю, видела, твои «одна ночь», которых по переписке, которую я успела прочитать, было не меньше десяти.

Лёшка ходит по комнатам, рычит. Звонок в дверь, оба переглядываемся.

Входит свекровь, за эту ночь она как будто изменилась. По её взгляду сегодня не я, а она пришла посмотреть, «что теперь будет». Всё в ней напряжённое: осанка, взгляд, даже дыхание. Она пришла не помочь. Не поддержать. Она пришла решить судьбу нашей семьи сама.

Алексей стоит у окна. Услышав шаги, поворачивается. Он молчит несколько секунд, потом говорит.

— Янка решила уйти.

Его голос звучит почти равнодушно. Как будто он уже смирился. Или, может быть, даже обрадовался.

Свекровь смотрит на меня. Медленно. Пронзительно. Потом переводит взгляд на сына. И произносит:

— Ну и замечательно.

Эти слова ударяют так больно, что я невольно делаю шаг назад. Словно меня вычеркнули из жизни.

Они говорят обо мне, как будто меня нет в комнате. Как будто я просто фон для их диалога.

— Жизнь Яны меня не интересует, главное, чтобы Аня осталась здесь, — говорит свекровь.

Мне становится холодно. По-настоящему холодно.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я тихо.

Она поворачивается ко мне, говорит спокойно.

— То, что ты сама знаешь. Ты не справишься одна. У тебя ни денег, ни опыта, ни сил. А у нас есть всё. Мы сможем дать девочке нормальное детство. Без лишений, без истерик, без матери, которая вместо того, чтобы заботиться о ребёнке, лезет в чужие телефоны и воюет со своими страхами.

Я чувствую, как внутри всё начинает рваться. Каждое её слово, как удар, она пытается забрать у меня единственное, что у меня есть.

— Аня — моя дочь, — говорю я, стараясь говорить твёрдо. — И я никуда без неё не уйду.

— Ой, ну конечно, — фыркает свекровь.

Лёшка молчит. Смотрит на меня, ждёт реакцию.

— Значит, ты тоже считаешь, что я плохая мать, — говорю я, сдерживая истерику.

— Я ничего такого не говорил, — шепчет он. — Но выбор за тобой.

Свекровь смотрит на меня, как будто оценивает. Будто решает, достойна ли я вообще бороться за свою дочь.

Глава 7

Алексей

Яна выходит из комнаты.

Дверь закрывается тихо, почти беззвучно, но мне кажется, что дом содрогается.

Лежу на кровати, но глаза открываются сразу. Не спалось. Ни минуты. В голове мысли, которые давят, как бетонная плита. Как я мог так лохануться! Ну это же пипец: столько лет походов, а тут и секса толком не получилось, ещё и жена застукала. Теперь дерьма и на ведро, и на большую ложку хватит.

Под подушкой телефон, шарю рукой — нет, провожу ещё раз — пусто. Отрываю голову от подушки, всё шумит, во рту кошки ночевали. Мой телефон на прикроватной тумбочке. Тянусь за ним, проверяю вызовы — ничего нового. Сообщений тоже нет, открываю переписку с моей малышкой. Оказывается, сообщения были, но прочитаны.

Янка! Она видела.

Меня пробирает холодом. Я перечитываю последние переписки, будто они могут рассказать мне больше. Она бы тогда уже закричала. Обвинила. Устроила скандал.

А так... она просто ушла. Она слишком честная.

И почему-то именно это вызывает во мне стыд. Дура, надо было ей разораться. Если бы она промолчала, если бы позволила мне сохранить лицо, я потом, возможно, загладил вину. Купил цветы, сумочку получше. Пообещал больше не повторять, наверное, даже бы соврал красиво, и она поверила бы. Поверила бы потому, что хотела верить. И эта клуша ещё трусы свои раскидала, подставила, тварина.

— Ты трусы свои зачем раскидала, подставить решила? Так, я тебе сразу сказал, что из дома уходить не буду. Ещё раз так сделаешь, я тебя финансирования лишу.

— Коть, так это ты их от меня спрятал, — малышка отвечает сразу. Ну хоть у Янки не стала вместо меня переписку вести, если бы я такое узнал, я бы нашёл этого бобра и зубы ему проредил. — Ты ж в порыве их снял и куда-то бросил, а как я там в темноте и узком платье должна была искать?

— Ладно, потом верну.

— И поцелуй за стресс, я чуть не поседела. Если бы твоя мадам окно разбила и меня башкой по капоту бы поелозила. Она у тебя мадам мощная, я думала, ты любишь утончённых.

Хм, я никогда не смотрел на жену в таком ракурсе. Иду на кухню.

Она сидит за столом. И правда, она стала чуть полнее, чем была. На лице ни капли жизни, только тёмные круги под глазами и взгляд, полный разбитой надежды.

Мне хочется сказать что-то. Объясниться. Оправдаться. Даже попросить прощения. Но я молчу. Потому что знаю: ничего из этого не будет иметь значения.

— Яна... — начинаю я, но она даже не смотрит на меня.

— Не надо, — шепчет она. — Просто... не надо.

И я чувствую себя самым большим ублюдком на свете.

Пока я завариваю кофе, телефон вибрирует.

Сообщение от мамы:

«Ты вообще нормальный? Что ты опять натворил?»

Усмехаюсь. Всё по-старому. Она всегда знает, что я где-то напортачил. И всегда первым делом спрашивает, не я ли виноват.

Отвечаю коротко:

«Не твоё дело, я сам всё исправлю».

Через пару секунд прилетает следующее:

«Я не против тебя, сынок. Но ты ведёшь себя как скотина. Только знай, что я готова прикрыть твою задницу. Нужно, я наеду на Яну. Сделаю так, чтобы ей было легче уйти самой, чем нас судить. Но сама бы ремня тебе по голой заднице дала, паразит».

Я долго смотрю на экран. Потом пишу:

«Спасибо, лучше если ты не будешь встречать, я сам всё разрулю».

— Ян, давай поговорим. Ну мы же нормально живём, любим друг друга, что вот это начинается?

Яна на меня не реагирует, смотрит на дочку. Аня на руках вертится, чувствует напряжение. Не плачет, ноет тихо, нудно, но со временем становится громче. Яна прижимает её к себе, шепчет что-то ласковое, но ребёнок не успокаивается.

— Перестань раздувать проблему, — говорю я, стараясь говорить спокойно. — Ничего страшного не случилось. Мы же взрослые люди, всё можно решить.

Она даже не смотрит на меня.

— Решить? — повторяет она тихо. — Что ты хочешь решить, Лёша?

— Ну вот, опять! — вырывается у меня. — Ты делаешь из этого трагедию. А между прочим, это была одна ночь. Один глупый момент. И ты уже хочешь всё разрушить?

— Одну ночь ты провёл с другой женщиной? — говорит она, наконец поднимая глаза.

Мне становится не по себе, но я не могу показать ей свои переживания. Буду стоять до конца.

— Я был пьян, — снова бормочу я, почти автоматически. — Не было ничего серьёзного, я даже не помню, кто это.

— Значит, теперь ещё и пьянство оправдывает себя, — фыркает она. — Как оригинально.

— Да хватит уже! — повышаю я голос. — Ты что, считаешь, что идеальных мужей полно? Что другие женщины живут лучше? Я работаю, содержу вас, не требую многого. А ты заладила одно и то же...

Аня начинает плакать громче. Яна резко встаёт, отворачивается, чтобы покормить или переодеть ребёнка.

— Может, тебе вообще немного отдохнуть? — бросаю я, сам не понимая, почему говорю это. — Съездить куда-нибудь. Отвлечься. С Аней пока побуду я. Или мама.

— Мамой? Я уже вижу, как она тебя воспитала? — Яна оборачивается. — Чтобы она сказала мне, какая я плохая мать? Как я тебе не пара? Нет уж, Лёша.

— Да я не об этом! — раздражаюсь я. — Просто видно, что ты вымоталась. Может, мама сможет посидеть с ней пару дней? Дать тебе передышку.

— Передышку? — переспрашивает она, и в её голосе появляется лёд. — Ты серьёзно? Твоя мама два часа не смогла присмотреть за внучкой нормально. А ты предлагаешь, чтобы она жила с нами? Чтобы воспитывала моего ребёнка?

— Я просто пытаюсь найти решение, — говорю я, чувствуя, как ситуация выходит из-под контроля.

— Реши тогда вопрос, который важнее, — говорит она. — Почему твоя мама направила меня на корпоратив? Почему хотела, чтобы я увидела всё собственными глазами?

— Чего ты добиваешься? — спрашиваю я, стараясь не показывать замешательства.

— Хочу знать, — говорит она, подходя ближе. — Что твоя мама задумала? Почему решила «открыть мне глаза»? Она думала, что я должна узнать? Или... хотела, чтобы я ушла?

Глава 8

Свекровь ходит за мной по пятам, как тень, заглядывает в глаза.

— Ян, ты же сама виновата, — говорит она, складывая руки на груди. — Мать тебя не научила быть мудрой. Если хочешь счастья в жизни, немного гонор убери. Мужчина есть мужчина. Они такие. С ними надо уметь ладить.

Я не отвечаю. Просто продолжаю собирать вещи. Складываю в сумку футболки, пару носков, зубную щётку, то, без чего не смогу прожить первую ночь вне этого дома.

Она не унимается.

— Чтобы ты ни говорила, а Лёшка же хороший отец. Ты куда пойдёшь? Куда с ребёнком? Ты же сейчас не о себе думать должна, Аня потом тебе спасибо не скажет.

— Уйдите, — шепчу я. — Пожалуйста.

— Да что ты заладила своё! — повышает она голос. — Женщина должна быть мудрее. Терпеть, прощать, понимать, тогда и муж будет рядом. А ты вот... вот так вот. Всё испортила.

Мне становится больно. Не от её слов, они уже давно не задевают. Больно от осознания: она права, я плохая жена, я плохая мать, и не знаю, как защитить дочку.

Я сижу на полу в гостиной, прислонившись к стене. Аня спит у меня на руках, тёплая, дышит глубоко и размеренно. Её пальчики сжаты в кулачок, будто она цепляется за что-то во сне.

Пишу сообщение сестре, мы с ней после моей свадьбы не слишком близки. Может, она сразу увидела, с каким человеком я связываю жизнь, вот и самоустранилась, чтобы не капать мне на нервы?

— Янусь, привет, — по голосу сестра, как всегда, в хорошем настроении. Несмотря на небольшую разницу в возрасте и то, что мы росли вместе, она всегда была другой: более яркой, взрывной, Лёшка называет её сумасбродной.

— Можно, мы у тебя с Аней проживём пару недель, — шепчу и поджимаю губы. Стыдно признаться, что меня растоптали.

— Конечно! А что этот засранец натворил? — слышу, как сестра заводится.

— У него другая женщина. Давно. Оль, если это не очень удобно, я всё пойму, — говорю быстро, сбивчиво. Слишком много эмоций, слишком мало сил. — А свекровь сказала, что мне надо быть мудрее. Что мужчина есть мужчина, что если хочу счастья, пусть он делает, что хочет, а я должна терпеть. И никто другой меня не возьмёт...

Голос срывается. Я прижимаю Аню к себе чуть сильнее, будто боясь, что меня услышали.

— Ян... — Оля говорит тихо. — Ты где сейчас?

— Дома, — шепчу я. — Я на эмоциях собрала вещи, а теперь не пойму, куда мне уходить. К родителям ехать не ближний край, я одна с Аней. Да и мама помнишь, что сказала.

В день, когда я привезла Лёшку знакомиться с родителями, мама мне сказала, что вот этого привезла, другого нам уже не надо, хорошие и приличные девочки не меняют мужиков, как перчатки.

— Забей, мало ли что сказала мама. Мне она сказала, что я ей не дочь, когда первую тату сделала, ничего, так же огурцы и помидоры передаёт, как и тебе. Я выезжаю. Сиди, не дёргайся. Сейчас буду.

— Не надо, — говорю я. — Я справлюсь.

— Я знаю, что ты справишься, — отвечает она мягко. — Но ты не одна. Никогда не была. И не будешь. А это мы ещё посмотрим, кто и кого притеснять будет.

Ухожу в спальню, закрываю дверь, делаю вид, что укладываю Аню.

— Вот, головой подумала, молодец. Я тебя научу премудростям, чтобы жизнь как мёд была. — В дверях снова появляется свекровь. — Вот представь, если бы вместо ругани ты

мужу с утра крошки или соляночки налила, они с похмелья хороши. Два солёных бочковых огурчика, которые до глубины души продирают, на блюдечко. Потом в душ сходит, к телу подпусти. Ты думаешь, от такой женщины муж гулять будет?

Что в голове у этой женщины, какой к телу, если на него даже смотреть противно.

— За Аню обидно, ты непутёвая, и она ж такая вырастет, по твоим следам, — свекровь не отстаёт.

Через полчаса слышу, как звонит домофон, нажимаю на кнопку. Лёшка выглядывает, проверяет, кто там пришёл.

— Ну? — с порога спрашивает сестра, входя внутрь. — Где этот герой?

Я только качаю головой.

— Ну вот, — говорит он, складывая руки на груди. — Приехала «спасительница», сейчас всё разрулит.

— Привет, Лёшенька, — улыбается Оля, хотя в глазах темнота. — Как жизнь?

— Отлично, — фыркает он. — Тебя каким ветром занесло?

Я стою рядом, не вмешиваюсь.

— Ты чего такая худая? — спрашивает Оля, глядя на меня. — Поела сегодня?

— Какая она худая? Посмотри, какой кардан наела, она раньше стройнее была, — муж шутит, а мне становится тошно.

— Не хочу есть.

— Рот закрой, — Оля поворачивается к Лёшке, переводит взгляд на меня. — Это плохо, пойдём на кухню, пока ты обедать будешь, я поговорю с этим полудурком. Ой, а тут и мама его, так хорошо, одной моралью сразу всё стадо прибьём.

Алексей фыркает.

— Яна всегда была эмоциональной, а ты ей подыгрываешь. Может, сама завидуешь? У тебя ведь ничего не сложилось: ни муж, ни детей. Вот и тянешь её в своё болото.

Оля даже не оборачивается. Просто смотрит на него долгим взглядом. Так, как будто видит насквозь.

— Ты такой умный, Лёша, — говорит она мягко. — Такой уверенный в себе. Только вот жену потерял. А с ней и человечность, думаю, пора заняться твоим воспитанием, если эта старая карга сыночку упустила. Ян, я думала, что ты поедешь ко мне. Нет, этот план отменяется, — Оля ухмыляется. — Я переезжаю сюда. Лёш, ну теперь пободаемся, посмотрим, ещё кто кого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.